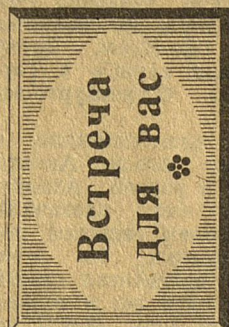

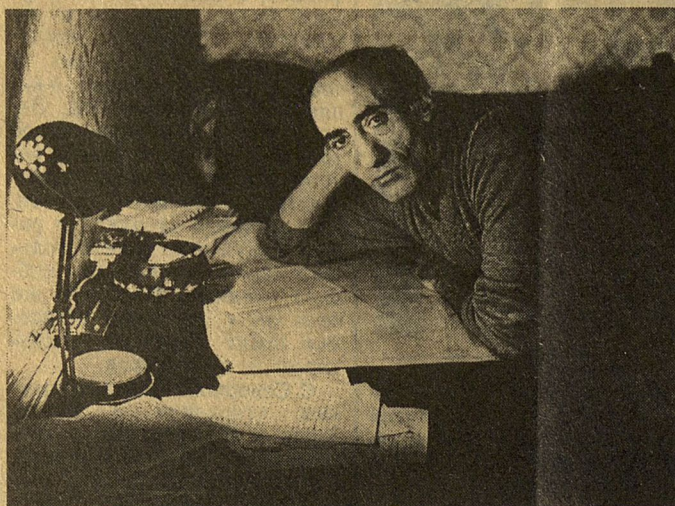
Наш
гость —
писатель
Грант
Матевосян

— Поговорим о начале...
— С самого раннего детства я знал, что буду писателем. И никем иным. Я с детства обожал бумагу, был буквально влюблен в белый лист. Самым сильным впечатлением детства, да что там детства — и по сей день — был и остается для меня Ованес Туманян. Не знаю, из-за Лори ли, нет ли. Думаю, все-таки не из-за Лори. Хорошо запомнил я один день в детстве. Стояла осень, я смотрел сквозь голые ветви дерева на водопад и вдруг обнаружил, что стою так уже много часов подряд и повторяю прекрасные стихи Туманяна о воде, срывающейся с гор. «Ампи таиц джур э галис...» Жизнь и литература соединились во мне. Потом были Стефан Зорьян и Чехов. Правильно отметил Вильям Сароян, что Чехов — это само сострадание.

— Всем ли написанным за эти десятилетия вы довольны? Многие ли хотели бы изменить, если бы дано было вернуться назад?

— Я начинал не так давно, но страшно оглянуться. Написано мало, но даже из этого малого со многим я поспешил. Как было бы хорошо, если бы молодости не так страстно хотелось бы видеть себя опубликованной! Путь хорошего писателя не таков. Нельзя быть слабым, нельзя спешить с незрелым, нельзя давать волю эмоциональным порывам. Я верю, что моя зрелость еще впереди. Когда-то я откладывал лучшие, наиболее емкие свои замыслы, писал все второстепенные вещи, слаботушничал. Наиболее близко подошел к своему сокровенному в «Алхо» и «Августе», но и эти воплощения не совсем то, чем было полно мое сердце. В моей юности какой свет вдруг принесли с собой внезапно от-

«Надо строить и ждать...»

крывшиеся, пришедшие к моему поколению Бакунц, Чаренц, Маарил! Сегодня даже титаны всемирной литературы не доставляют мне такой радости, какую доставили тогда они. Те открывшиеся горизонты разбудили нас. Добавило ли что-нибудь к этому прекрасному вкладу в культуру мое поколение? Трудно говорить об этом сегодня...

Боязно и страшно сознавать такую ответственность. Ты даже не представляешь себе, как страшит это чувство — не оправдать ожиданий читателя, не оправдать того, что ждут от тебя. Услышать слова неодобрения, откуда бы они ни раздавались — из уст нелюбимого критика, неискушенной девушки или целого народа — да, это страшно. И здесь ничто не поможет, кроме собственного чутья, сосредоточенности и таланта. И, конечно, опыта жизни, который вкупе с талантом уже бесценен.

— Эти мелко исписанные листки на вашем столе — «Боров»?

— Да. Я определил его как роман и этим сам себя загнал в ловушку. Ибо нет для души испытания страшнее, вот где можно завязнуть. Большая вещь — дело уже непростое. Но этот роман — мой нравственный выбор.

«Хозяин», по которому снят кинофильм, — лишь кусочек из романа; небольшая боковая тема, ответвление. Цмакут. Мне просто повезло, я попал на хороший материал, открыл это богатство. Цмакут — этому маленькому отрезку земли стоит посвятить себя. Какие прекрасные, сильные, мудрые люди! Они учат меня. Крестьянин во мне учит художника. Весь мир замкнут для меня в моем Цмакуте. Кстати, «цмак» в лорийском диалекте имеет еще и дополнительное понятие — лес.

Так что это не моя заслуга, а заслуга темы — она оказалась прекрасной и неисчерпаемой.

— Грант, а какова, на ваш взгляд, сущность нашего армянского характера?

— Его лучше всего проявляет, вскрывает искусство. Если сопоставить Арама Хачатуряна, создателя храма Рипсиме, Сарьяна и Вильяма Сарояна, то видишь, что общее у них — созерцательность (вглубь себя смотрят). Мартирос Сарьян — это бог-созерцатель. У меня такое ощущение от его полотен, что он знал причины всех причин и так любил нашу армянскую землю, как можно любить лишь после резни, лишь чу-

дом выжив, лишь после землетрясения.

— Как Ной после потопа?

— Именно. Это же чувство нахожу я у Вильяма Сарояна, раздвинувшего психологические границы английского языка настолько, что тот стал вмещать и армянскую скорбь. Когда-то Томас Манн сказал о немецком языке, что он настолько гибок, что другие языки свободно живут в нем, а он не перестает быть самим собой. То же самое случай с Сарояном. Он даже языковой барьер заставил служить своему, армянскому. И наша культура приняла его, почуяв в его чужом голосе родные нотки.

Кстати, чувство национальной ответственности Сарояна — пример того, что литература может совершить невоз-

можное. Он так желал пробиться к своим истокам, что это случилось. Первоэлемент литературы — язык? Тогда он сделал первоэлементом строй своей души. Выразитель эмигрантских скорбей? Нет, выразитель духа армянского скитальчества.

...Старая добрая литература. Даже в век кино и теле — наша главная утешительница. А, возможно, благодаря им, — снова наша воскресшая первая любовь... Что ж, будем служить ей, как жрецы — нелюбимой и строго. Дело писателя — труд. Труд, не ведающий результата. Упорный, честный, взыскательный труд. А что получится в итоге кладки камней — храм или просто жилище — решит время. Надо строить и ждать. И быть серьезным и терпеливым.

Литература — старый способ рассказать о душе, о жизни, о бытии. Эта форма замислена давно и, судя по всему, не иссякнет никогда. Будет вечно юна в мире. Будем же работать, будем честно работать. Будем строить и ждать...

Беседу вела Н. Саакян.
Гостя сфотографировал
З. Хачикян.